

*Доц.-прот. В. СОРОКИН, К. И. ЛОГАЧЁВ
(Ленинград)*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ПЕРЕВОДА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

В 1917 г. профессор Петроградской духовной академии И. Е. Евсеев, обращаясь от лица Русской Библейской Комиссии к Всероссийскому Поместному Собору, заявил: «Пред Русскою Церковию по отношению к Библии стоит масса непорешенных вопросов»¹. Одним из важнейших этих вопросов был и остается до сих пор вопрос о русском переводе Священного Писания.

Вряд ли нужно много говорить о роли, которую играет слово Божие на современном русском языке в повседневной религиозной жизни русских православных людей. Однако пока еще не освещалось в достаточной степени то положение, которое русский перевод Библии должен занимать в русском православном богословии.

Как известно, в новое время в Западной Европе межнациональное латиноязычное научное знание дифференцировалось на национальные науки, характеризующиеся, прежде всего, использованием национальных языков. В частности, на смену межнациональному латиноязычному католическому богословию пришли богословские системы, которые в каждой отдельной стране приобрели не только ту или иную конфессиональную окраску, но и окраску национальную, ввиду того, что богословствование стало вестись на национальных языках.

Ныне при рассмотрении любой богословской системы учет ее национальной характеристики является столь же важным, сколь и учет ее конфессиональной характеристики.

Создание национальных богословских систем требовало в качестве обязательного условия создания точных переводов на национальные языки Священного Писания — основного источника всякого богословия. И действительно, в новое время началась невиданная ранее по размаху работа по созданию национальных переводов Библии, а вопрос о качестве этих переводов стал одним из богословских вопросов перво-степенной важности.

Россия тоже пришла к созданию национального богословия, одна-ко несколько своеобразным путем. До XVII в. несистематическое богословствование на Руси велось по-славянски, так как знание греческого и латинского языков было среди русских не столь частым явлением. В XVII в. создание основ русской богословской науки шло рука об руку с распространением греческого и латинского языков среди богословствующих и обучаемых богословствованию — наставников и учащихся начавших создаваться в то время духовных школ, и прежде всего Могилынской академии в Киеве и Славяно-греко-латинской академии в Москве. Вторая половина XVII в. и первая половина XVIII в. в истории русского богословия отмечены появлением богословских сочинений как на славянском, так и на греческом и латинском языках. Лишь со второй половины XVIII в. русское богословие начинает при-

¹ И. Евсеев. Собор и Библия. Пгр., 1917, с. 2.

обретать чисто национальный характер и начинает создаваться русская богословская терминология. К концу первой четверти XIX в. латинский язык полностью вытесняется из преподавания богословия². С этого времени, за которым последовал период завершения формирования русского богословия как науки, богословы в России пользуются в своих сочинениях только русским языком.

Однако это не означало еще завершения «национализации» русского богословия. Дело в том, что вплоть до начала XX в. в качестве основного текста Священного Писания русскими богословами употреблялся не текст национального — русского — перевода, а текст перевода славянского, отождествлять который с национальным переводом нового времени было бы ошибочным. Показателем в этом отношении, например, труд протоиерея Н. Малиновского «Очерк православного догматического богословия», одобренный Учебным Комитетом при Св. Синоде в качестве учебного пособия для духовных семинарий. В этом труде Священное Писание цитируется по славянскому переводу.

Это не значит, что в России в XIX—XX вв. не было национально-русского — перевода Библии. Первая — неполная, включающая Новый Завет, Псалтирь и Восьмикнижие, — редакция такого перевода была создана профессорами русских духовных академий (главным образом С.-Петербургской) в 1816—1825 гг. при содействии Российского Библейского Общества. В 20—40-е гг. XIX в. работу над первой редакцией продолжал протоиерей Г. П. Павский, переведивший ветхозаветные учительные и пророческие книги. В 30—40-е гг. архимандрит Макарий (Глухарев) создал вторую — также неполную, включавшую большинство ветхозаветных книг, — редакцию русского перевода Библии. В 1858—1867 гг. трудами профессоров русских духовных академий была создана с использованием двух предыдущих редакций третья — полная — редакция русского перевода Священного Писания. Эта редакция неоднократно перепечатывалась впоследствии без существенных изменений (последний раз она была издана Московской Патриархией в 1968 г.).

После третьей редакции появились и другие (неполные) редакции русского перевода Библии, которые широкого распространения не получили.

Русский перевод Священного Писания в третьей редакции теми, кто ее создавал, не предназначался для использования в богословии. Ей отводилась роль быть предметом домашнего чтения. Однако для богословия Русской Церкви был необходим более совершенный перевод Библии.

Библейская Комиссия (Комиссия по научному изданию славянской Библии, работавшая в 1915—1918 гг. при Петроградской духовной академии, а в 1918—1927 гг. — при Академии наук), сознавая важность вопроса о русском библейском переводе, решила приступить к всестороннему его рассмотрению, в связи со столетием указа, в силу которого началась работа над первой редакцией русского перевода Священного Писания. 31 января 1916 г. торжественное годичное собрание Комиссии, в котором приняли участие высшие иерархи Русской Православной Церкви, корпорация Петроградской духовной академии и многочисленные гости, заслушало и одобрило речь И. Е. Евсеева «Столетняя годовщина русского перевода Библии»³.

В этой речи были, прежде всего, совершенно иначе, чем раньше, оценены роль и значение русского библейского перевода. «Пройдут

² См. Богословие. Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, полудом 55, с. 722.

³ Архив Академии наук СССР, ф. 109, оп. 2, л. 1, лл. 44, 45—47. Речь эта вышла в свет в отдельном издании: И. Е. Евсеев. Столетняя годовщина русского перевода Библии. Пгр., 1916.

века, — заявил И. Е. Евсеев, — и с чем будут справляться для определения степени библейского понимания нашего нынешнего православия? Не с книгой частного представителя нашей церковной или богословской мысли, а с тем основным, важнейшим памятником нашей национальной христианственности, каким является авторизованный перевод русской Библии. Он будет свидетельствовать в истории о глубине и свойствах нашего проникновения в Вечную Книгу»⁴.

Такой взгляд на роль русского национального перевода Библии заставлял со всей серьезностью подойти к оценке третьей редакции этого перевода, созданной в 1858—1867 гг. В результате пришлось констатировать, что русский перевод Библии в третьей редакции «достаточно для элементарной потребности в назидательном чтении, но всякие более повышенные запросы им удовлетвориться не могут»⁵. В речи И. Е. Евсеева этот вывод был детально обоснован.

Как известно, качество любого библейского перевода определяется, прежде всего, качеством переводимого текста и качеством языка, на который осуществляется перевод. Рассматриваемый русский перевод обладал недостатками и в том и в другом аспектах.

Касаясь качества исходного текста для русского перевода Ветхого Завета, И. Е. Евсеев говорил: «Русский... перевод Библии, в ветхозаветной части, составлен на основании еврейского и греческого текстов без всякой попытки к их органическому объединению, путем механической спайки. Сравните наш перевод с еврейским и греческим текстами, он в общем не совпадет ни с одним. Это текст искусственного образования, несходный и с тем искусственным славянским текстом, который он должен объяснять... Объединение двух различных текстов в одном сводном тексте можно бы допустить в двух случаях: 1) когда научно было бы дознано, что тексты шли и развивались именно так, что из их объединения будет восстановлен их настоящий оригинал и что данное объединение и представляет этот оригинал; 2) когда — при отсутствии такого доказательства — было бы точно установлено, что без такого объединения еврейского и греческого текстов пострадает христианское вероучение или такая-то важная его часть. Этих условий в настоящем положении дела нет (разрядка наша. — В. С., К. Л.)... Русский сводный библейский текст нарушает стиль еврейского текста, стиль греческого текста и не создает того, что могло бы перейти к потомству как прочное историческое выражение русского библейского стиля»⁶.

В наши дни этот вывод полностью сохраняет свою силу, будучи подтверждаем новыми научными данными. Так, тексты кумранских рукописей явились решающим доказательством того, что в основе Септуагинты, с одной стороны, и масоретского текста, с другой, лежали разные еврейские оригиналы ветхозаветных Писаний, что Септуагинта и масоретский текст представляют различные текстуальные традиции⁷. Механически объединять различные традиции ветхозаветного текста, как это сделали переводчики XIX в., естественно, нельзя.

И. Е. Евсеев в своей речи не касался вопроса о качестве исходного текста для русского перевода Нового Завета (таким текстом для переводчиков XIX в. был так называемый *Textus receptus*). Поэтому здесь необходимо сделать несколько замечаний по этому вопросу.

Очевидно, что если русский православный богослов хочет сделать русский перевод Нового Завета неотделимым от библейской традиции на Руси, он обязан при выборе исходного текста для этого перевода

⁴ И. Е. Евсеев. Столетняя годовщина..., с. 32.

⁵ Там же, с. 34.

⁶ Там же, с. 35—37, 38.

⁷ См. Тексты Кумрана. Вып. I. М., 1971, с. 43—44, 52.

учитывать, какой исходный текст Нового Завета был использован святыми первоучителями славян. При таком условии использование того типа текста, который называется *Textus receptus*, в качестве исходного греческого текста для русского перевода Нового Завета не оправдано, ибо этот тип текста не может считаться исходным греческим текстом для кирилло-мефодиевского перевода, в чем легко убедиться на следующих двух примерах.

2-й стих 11-й главы Евангелия от Матфея в русском тексте Нового Завета читается: «Иоанн же... послал двоих из учеников своих» — в не совсем полном (срав. различия глагольных форм) соответствии с чтением: «Ὁ δὲ Ἰωάννης... πέμψας δύο τῶν μαθητῶν αὐτοῦ в печатавшемся в прошлом веке с разрешения Св. Синода *Textus receptus*»⁸. В одной же из наиболее близких к оригиналу кирилло-мефодиевского перевода рукописей — в Маринском Четвероевангелии — этот стих читается: «Иоанъ же... посылавъ оученикы своими»⁹, что, не соответствуя чтению *Textus receptus*, является, однако, полным соответствием чтению: «Ὁ δὲ Ἰωάννης... πέμψας διὰ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ в реконструируемом древнейшем греческом тексте Нового Завета, печатающемся в новейших критических изданиях»¹⁰.

49-й стих 27-й главы того же Евангелия в том же русском тексте Нового Завета заканчивается словами: «...спасти Его» — в не совсем полном (срав. различия глагольных форм) соответствии с чтением названного стиха в упомянутом издании *Textus receptus*, заканчивающегося словами: «...σώσον αὐτόν»¹¹. В Маринском же Четвероевангелии в этом стихе после слов, приблизительно соответствующих словам «...спасти Его», добавлено еще: «дрогыи же приемъ копие прободе емоу ребра. і изиде вода и кровь»¹². Такое чтение, не соответствующее ни чтению *Textus receptus*, ни чтению реконструируемого древнейшего греческого текста Нового Завета, является, однако, полным соответствием чтению этого места: ἄλλως δὲ λαβὼν λόγχην ἔβουξεν αὐτοῦ τὴν πλευράν, καὶ ἐξήλθεν ὕδωρ καὶ αἷμα в таких, например, древних рукописях, как Синайский, Ватиканский, Ефремов переписанный и Королевский кодексы¹³.

Таким образом, можно утверждать, что русский текст Нового Завета и кирилло-мефодиевский перевод восходят к греческим оригиналам, представляющим разные типы новозаветного текста, и что, следовательно, русский текст отходит от изначальной библейской традиции на Руси. Если же включать русский перевод Нового Завета в эту традицию, то необходимо по-новому взглянуть на проблему выбора греческого оригинала для этого перевода.

Касаясь качества языка третьей редакции русского перевода Библии, И. Е. Евсеев подчеркивал: «Русский... перевод Библии по строю своего языка отстал от языка нашей современной литературы и общества настолько, насколько этот современный язык отошел от языка Державина. Уже в свое время, при начале перевода в Библейском Обществе и при его продолжении в царствование Александра II, язык перевода Библии не был живым языком своего времени. ...С течением времени в переводческой практике выработался... язык строгого книжного тона с славянской окраской, ...с целыми выражениями из славян-

⁸ «Ὁ Καὶνὴ Διαθήκη τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Изд. 9. Μόσχα, 1871, с. 20.

⁹ И. В. Ягич. Маринское Четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883, с. 34.

¹⁰ Срав., например, *The New Testament in Greek and English*. American Bible Society. New York, 1968, с. 38.

¹¹ «Ὁ Καὶνὴ Διαθήκη...», с. 60.

¹² И. В. Ягич. Маринское Четвероевангелие..., с. 109.

¹³ *The New Testament in Greek and English*, с. 113.

ского перевода. ...Отсталый в свое время, старообразный, книжный язык русского перевода Библии не хотел видеть протекавшие мимо него времена блестящего расцвета русской литературы... Если взглянуть в живые, вдохновенные речи пророков и сравнить их с безжизненным отражением их в сухом, устарелом, безличном русском переводе, то поймешь, что этот перевод... не вдохнет подъема чувства и воли... привычному к школьной условности в языке питомцу духовной школы»¹⁴.

Этот вывод справедлив и в наши дни.

Торжественное годовичное собрание 31 января 1916 г. было первым мероприятием Библейской Комиссии, касающимся русского перевода Библии. Вторым таким мероприятием было издание Комиссией в 1917 г. брошюры, содержащей обращение к Поместному Собору призыв уделить внимание проблемам славянского и русского библейских переводов¹⁵. В этой брошюре указывалось, среди прочего, что перед Русской Церковью «стоит непочатая еще задача привести в надлежащее соответствие с требованиями времени русский... перевод Библии», и подчеркивалось вновь, что недостатки русского перевода связаны с недостатками переводимого текста и недостатками языка текста, полученного в итоге. «Язык этого перевода,— говорилось в брошюре,— тяжелый, устарелый, искусственно сближенный с славянским, отстал от общелитературного языка на целый век; это совершенно не допустимый... язык еще допушкинского времени»¹⁶.

Третьим мероприятием Комиссии в отношении русского библейского перевода было обсуждение на годовичном собрании Комиссии 28 января 1918 г. речи И. Е. Евсеева «Творческие силы Библии» и принятое в связи с этим решение обратиться к Поместному Собору с предложениями, касающимися Священного Писания, в том числе с просьбой об организации работы по улучшению его русского перевода¹⁷.

Шаги, предпринятые Русской Библейской Комиссией, в частности, оценка ею третьей редакции русского библейского перевода, заложили прочную основу для продолжения работы над переводом Священного Писания на современный русский литературный язык.

После второй мировой войны, именно, с 1951 г., в Париже русскими эмигрантами был начат пересмотр новозаветной части третьей редакции русского перевода Библии. Пересмотр этот завершился изданием Нового Завета на русском языке в «новом переводе с греческого подлинника». Однако те, кто выполнял этот пересмотр, игнорировали бесспорные выводы Русской Библейской Комиссии. Так, они, считая без какого-либо серьезного основания, что развитие русского языка в нашей стране после революции является ненормальным, намеренно сохранили в своем тексте архаичность языка, свойственную третьей редакции¹⁸. В итоге ряд мест, которые без труда могли быть выражены на современном русском литературном языке, остался в полуславянском звучании¹⁹.

Стремление тех, кто выполнял парижский пересмотр новозаветной части третьей редакции, указать на объективную возможность различных переводов одного и того же места²⁰ в принципе не вызывает воз-

¹⁴ И. Е. Евсеев. Столетняя годовщина..., с. 38, 39—40, 41.

¹⁵ Архив Академии наук СССР, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 70 об.

¹⁶ И. Е. Евсеев. Собор и Библия, с. 9.

¹⁷ Архив Академии наук СССР, ф. 109, оп. 2, д. 1, л. 72—72 об.

¹⁸ Bishop Cassian. The Revision of the Russian Translation of the New Testament, the Bible Translator, v. 5, 1954, № 1, с. 28, 31.

¹⁹ Срав. хотя бы начало Евангелия от Матфея, где оставлено: «сына Давидова, сына Авраамова. Авраам родил Исаака» и т. д. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Изд. Библейского общества. Лондон, 1970, с. 7, хотя на современном русском литературном языке необходимо в данном случае говорить «потомок». «родиться у» (или «быть отцом»), и т. д.

²⁰ См. Bishop Cassian. The Revision..., с. 31—32.

ражений. Однако подобные указания сделаны весьма непоследовательно: они часто отсутствуют там, где в них чувствуется настоятельная потребность. Например, 12-й стих 11-й главы Евангелия от Матфея (согласно пересмотренному тексту²¹): «От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство Небесное силою берется и употребляющие усилие овладевают им» должен был бы иметь подобное указание ввиду неясности значения в данном случае греческого *βιάσται* (не известно, надо ли понимать здесь это слово в хорошем или дурном смысле). Однако никаких указаний к этому стиху нет. Кстати, в Елизаветинской Библии указано на возможность понимать это место двояко: в тексте дано «нудится», а на полях: «с нуждею восприемлется»²².

Таким образом, парижский пересмотр новозаветной части третьей редакции не разрешил главных проблем русского библейского перевода, а лишь снова показал всю их актуальность. Он подтвердил также, что удовлетворительное разрешение этих проблем возможно лишь при условии верности принципам русской библиологии, сформулированным Русской Библейской Комиссией.

---

²¹ Новый Завет..., с. 27.

²² Библия, речь книги Священного Писания Ветхаго и Новаго Завета. СПб., 1751 (Новый Завет), стлб. 20.